

PRAGUE





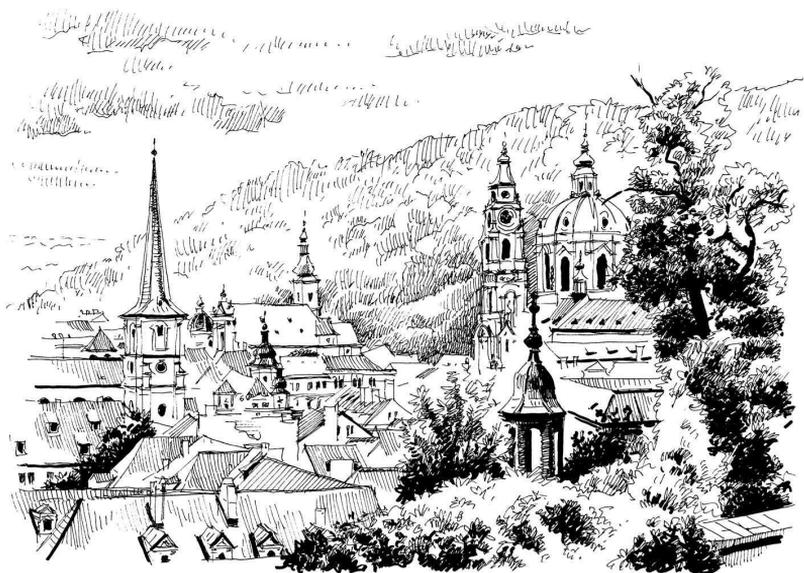
Содержание

Глава 1. Чехия	7
Между светом и тьмой	9
Магия Вышеграда	27
Исполнение желаний по-пражски	33
Замок над воротами в преисподнюю	38
Чешская кухня и ее рецепты	42
Пивичко!	78
Кавичка — истории чешского кофе	97
Двор безумного короля	101
Туманы и грозы Крумлова	118
Крумловские вкусности	140
Страшили в шоколаде	147
Марципановое счастье Табора	166
Глава 2. Путешествие в Будапешт	177
Синдром Стендаля по-будапештски	177
Легенды Буда	184

В гости к Дракуле	196
Город святого Андрея	198
Кухня королевы Беатриче	200
Струйка «Токая» в оскорбляемый водкой хрусталь	210
Рецепты венгерской кухни	218
Факты о Венгрии, которые вас удивят	260

Глава 3. Чары осенней Праги 263

Морозное золото пражской осени	263
Монастырское пивичко	272
Путешествия карпатского храма	276
Бокал вина в Чехии? Конечно, да!	280
От трдельника до ветреника — чешские десерты	302
Факты о Чехии, которые вас удивят	312
Город золотого волшебства	314



Глава 1. Чехия

Ницше утверждает: когда я ищу другого слова для музыки, я всегда нахожу только слово «Венеция».

Я бы сказал по-другому. Когда я ищу другого слова для тайны, я всегда нахожу лишь одно слово — «Прага».

Анджело Мария Рипеллино

Странный город Прага. Нереальный, на самом деле несуществующий. Здесь все не так, как кажется, здесь все неправда, все декорация, здесь каждый камень, каждый дом хранит свои легенды и истории, разыгрывает спектакли перед случайным путником.

На этой улочке тебя вот-вот догонит рыцарь без головы, а в том старом зеркале отражается бестелесный силуэт прекрасной пани, из пивного подвальчика тянутся к прохожим руки средневекового разбойника, но поверни за угол — и эта страница перевернута, и открывается новая глава и рассказывается новая история...

Кто-то на Небесах выдумал этот город и сам удивился. Декорации стали жить своей жизнью, и череда странных персонажей, словно в часах на пражской ратуше, сменяет друга друга: скользит тень неупокоенного императора, сменяет его фигура мистического алхимика с серебряным носом, укутанный в черное граф пришел с того света, чтобы подписать забытый контракт, глиняное чудовище вырастает над крышами...

На этом углу варят пиво со времен Средневековья, а там, у леса, в монастырских подвалах хранятся тайные тома древних рукописей, в том доме играет джаз с виниловой пластинки, а рядом в переулке седой пан разливает горячее вино холодным зимним вечером.

Поднимаешь глаза — и выются дымки над седым зимним инеем, покрывшим красные черепичные крыши, опускаешь — и утопаешь в ковре осенних золотых листьев, а потом ветер заносит в подъезд пригоршню только что сорванных им черешневых цветов с весенних деревьев на холме Петршин.

В чертовой речке крутит колесо мельницы водник-водяной, хихикают русалки под мостом в самом центре города, улетают на рассвете золотые огни за шпили Града, словно гусиная стая...

Эта карусель бесконечна. А персонажи один экстравагантнее другого.

И лишь темные фигуры над золотым фасадом Клементинума замерли безмолвно. Они строго следят, чтобы не нарушилось равновесие, не исполнилось слишком много желаний, не расступились каменные стены и не вышла наружу та темная, с золотыми всплесками энергия, что питает этот город столько веков подряд.

А как все это сочетается с рульками, гуляшиками, каприками, пироженками, пивичком, «бехеровичкой» и кавичкой-кофечком — сама не понимаю!

Попробуем разгадать?

Между светом и тьмой

*Тот, на кого Прага хоть раз взглянула
своими глубокими, трепещущими и загадоч-
ными глазами, остается под ее чарами всю
свою жизнь.*

Оскар Винер

Впервые в Прагу я попала так давно, что даже вспоминать неудобно. Как раз после выпускного в институте.

Это была длинная поездка в Марианске Лазне с Карловыми Варами, по чешским замкам и целая неделя в Праге.

Денег разрешалось вывозить так мало, что кончились они быстро. Ладно бы деньги, я и в Прагу-то попала не с первого раза. В 18 лет после мытарств по собеседованиям в райкомах комсомола и собиранием всяких характеристик — а ведь было такое время! — меня отправили в Болгарию, сказав, что рано в 18 лет по Чехиям ездить. Вернее, тогда еще Чехословакия.

А я почему-то всегда мечтала о Праге. И теперь закончившиеся деньги уже не имели значения, главное, хватало на трамвай с окраины, где нас поселили, и я приезжала, и бродила по Мала Стране, и долго сидела на Карловом мосту, где и народу почти не было, и никаких сувениров, и никаких многолюдных экскурсий. Правда, один раз мимо пробежала группа кардиналов в красных шапочках, окончательно создав ощущение нереальности.

Прага долго мне потом снилась. Шпили, крыши и улочка, идущая вверх, к Святому Микулашу, то есть храму Святого Николая.

А вот «взрослая» я до последнего сопротивлялась поездке в Чехию, боялась «совковости», боялась испортить те давние потрясающие впечатления, а еще — ну какая может быть Чехия, когда весь мир открыт!

Но случайно найденный в глубине книжного шкафа старый двухтомник черно-белых фотографий Праги вызвал острое

желание вернуться, и я снова начала скучать по острым готическим шпилям.

И мы приехали, и поселились в Мала Стране, и даже запланировали целые чешские весенние «каникулы», чтобы немного пожить в Праге с поездками вокруг, а вторую неделю по Южной Чехии.

Но стоило приехать, и все планы пошли под откос.

— Прага срывает крышу, — сказал мой обычно невозмутимый спутник.

Холм Петршин за порогом нашего дома был весь в цвету, и ветер заносил в подъезд лепестки розовых и белых цветов, накрывая сладким ароматом, и наш «подкрышный» аттик с пятью крохотными окошками был именно таким, каким и хотелось, а остров Кампа начинался в трех минутах ходьбы, и — ура! — мы были в Праге!

А Прага цвела... Посмотришь с холма вниз — Мала Страна словно засыпана белоснежно-розовым снегом весенних лепестков.

Что я все про Мала Страну? А моя Прага именно там, на другой берег Влтавы мы с удовольствием ходили погулять, а жить — только тут. И когда последние дни той поездки пришлось провести в самом центре Старой Праги, я вздыхала, с тоской смотрела на очертания Града в вечерней дымке и чувствовала себя обделенной. Словно меня не пустили домой, и прогулки по Малой Стране лишь вызывали грусть.

С того приезда так и понеслось, ночью разбуди — и я готова ехать, лететь, плыть, пешком идти в любимую Прагу.

Прага — уникальный город, ну где еще каждый дом, каждая улица, каждая площадь хранят столько историй! И нигде больше нет такого потрясающего сплава: алхимии и магии, христианства и каббалы, масонства и святости, загадочных еврейских ритуалов и договоров с дьяволом.

Но прежде всего — Прага прекрасна. В любой сезон и в любом месте.



Град и крыши Мала Страны



Мала Страна

* * *

Жили мы однажды у Вифлеемской церкви, оттуда удобно заходить по утрам на чашечку кофе к «Принцу». Отель «У принца» входит в сотню отелей мира с лучшими видами, и неудивительно!

Сидишь на террасе, вокруг колокольный звон и бой часов, собравшаяся внизу толпа у Ратуши кажется такой далекой, и вся Староместская площадь как на ладони!

Многие начинают свое знакомство или новую встречу с Прагой именно здесь, а виды стоят затрат, ибо цены здесь соответствуют статусу заведения.

Гуляешь потом по улочкам, поднимаешь случайно голову, и... Прага, что с нее взять! Прямо над улицей Гусовой висит темная фигура. Сразу и не поймешь, живой человек или нет, говорят, некоторые туристы впадают в панику и звонят в «Скорую помощь» и полицию.

Эпатировать публику скульптор Давид Черны рассчитывал и не прогадал, он стал известен, а фигура, которая так и называется — *viselec*, или висящий человек, объехала множество международных выставок.

Сам скульптор утверждает, что фигура олицетворяет Зигмунда Фрейда. Уцепившийся одной рукой за спасительную балку профессор как бы завис над пропастью Бессознательного, а народ пугается, на выставку в Чикаго в 2007 году даже полиция приехала по звонку о самоубийстве.

* * *

Удобнее всего нам было идти на Староместскую площадь по Гусовой. Параллельно ей, только совсем пустая, в отличие от оживленной соседки, словно и не в центре. Но в вечерних сумерках я все больше на Гусову сворачивала.



Ведь говорят, что на Лиллиовой каждую ночь появляется безголовый всадник на белом коне, из ноздрей которого вырывается сноп огненных искр. На нем белый плащ с красным крестом.

Всадник этот — тамплиер из когда-то стоявшего в Праге тамплиерского монастыря Святой Анны. Одной рукой он держит повод коня, другой — свою отрубленную голову.

Легенда рассказывает, что обезглавлен был рыцарь за какое-то преступление и незадолго до смерти отрекся от христианской веры. За это его постигло проклятье, и рыцарь ждет освобождения. Освободить его может только смелый юноша, который поймает коня за узду, выхватит у рыцаря его собственный меч и пронзит им сердце всадника. Есть желающие?

★ ★ ★

А вот здесь, совсем рядом со Староместской площадью, среди прочих домов, зажато высокое и узкое здание с золотой лилией на фасаде. Это не лилия Бурбонов и не Флорентийская лилия, но связи с Италией точно есть.

Когда-то в этом доме располагалась известная аптека. В XV веке фармацевт Томаш оказался втянут в заговор против короля Владислава Второго, которого мечтал сместить с престола другой претендент на чешскую корону, венгерский правитель Матиаш Корвин. Чтобы уж наверняка, отправил Томаш своего помощника в Венецию, к известному венецианскому коллеге, за сильнодействующим ядом. Венецианец яд выдал, но следом в Прагу полетел донос: то ли опасался чего венецианский аптекарь, то ли просто был подлой личностью, кто теперь знает. В результате и фармацевт, и помощник были заключены под стражу и умерли под пытками.



Трамвай у калитки в Вальдштейнские сады

* * *

Одно из моих любимых мест в Праге — Вальдштейнские (или Валленштейнские, в другом произношении) сады, оазис красоты посреди и так прекрасного города.

Этот строго геометрический сад в стиле раннего барокко создавался параллельно со строительством Вальдштейнского дворца с 1623-го по 1629 год.

Вальдштейнский дворец в стиле барокко был построен по заказу полководца Альбрехта фон Вальдштейна. Он не пожалел средств, чтобы создать вокруг дворца необыкновенный сад, полный фонтанов и героев греческой мифологии. Парковые зоны были завершены в 1630 году, а четыре года спустя владетель был убит по приказу императора Фердинанда II, который почувствовал угрозу своей власти.

Сегодня Вальдштейнский дворец, строительство которого велось при участии итальянцев Джовани Пьерони, Андреа